

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Спасти
Париж
и умереть

Сергей Зверев

СМЕРТЬ ШПИОНАМ!!!

Момент истины

Сергей Зверев

Спасти Париж и умереть

«ЭКСМО»

2007

Зверев С. И.

Спасти Париж и умереть / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2007 — (Момент истины)

18 августа 1944 года «Свободная Франция» возглавила восстание против гитлеровской оккупации, и через несколько дней Париж был освобожден, немецко-фашистские войска капитулировали. Шарль де Голль с триумфом вошел во власть, и вся Франция со слезами на глазах пела вместе с великой Эдит Пиаф Гимн Свободы... Но это все будет потом. А пока советский разведчик Иван Денисов, известный среди приближенных к Гиммлеру как штандартенфюрер СС Курт Мейер, отправляется в оккупированную Францию выполнять особо важное задание Центра – спасти Париж от уничтожения и поддержать восстание.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Спасти Париж и умереть

Часть I

Глава 1

Лето 1944 года выдалось жарким. Знойное марево колыхалось над городом; видное из концлагеря, оно рождало странные ощущения. Словно сказочный город предстал перед глазами одних, у других он вызывал приступы ненависти. Первые имели надежду – пусть слабую, но все-таки надежду на скорое освобождение или побег. Другие ни на что не надеялись и ненавидели первых, потому что беглецы ухудшали их жизнь в лагере, хоть какую-то, но... жизнь.

Работали до семи вечера, но и после семи, когда, уставшие, возвращались в лагерь и были готовы завалиться спать, духота выгоняла несчастных во двор. Слонялись между бараками, сонные. Работа изматывала полностью, люди не могли восстановить силы из-за скудности пищи. В случае болезни к лагерным докторам не обращались – из санчасти прямой путь лежал в крематорий, широкая кирпичная труба которого дымила за бараками.

Сразу за концлагерем начинались сборочные цеха завода «Рено». Завод выпускал танки и другое вооружение для нужд гитлеровской Германии. И хотя знали, что господин Клаус Рено пошел на сотрудничество с гитлеровцами не по доброй воле, все равно его не любили.

Не любили за то, что дал заключенным работу. На территории завода люди копали котлован для нового корпуса. Между территорией завода и концлагерем был устроен специальный проход, обнесенный колючей проволокой.

Коричневый дым выползал из труб завода и сливался с черным дымом крематория. Он рассеивался над Парижем. В воздухе оставалась какая-то странная пыль – наполовину пыль, наполовину копоть.

В один из летних июльских вечеров 1944 года в лагере было объявлено построение. Люди в полосатых робах застыли в каре. Вдоль шеренг шли начальник лагеря майор Хаген, военный комендант Парижа генерал-лейтенант Зигфрид фон Маннершток и доктор Йозеф Менгеле. Первые двое были в парадной военной форме. На докторе красовалась белая рубашка с закатанными рукавами и тонкие брюки со стрелками.

Перед очередной шеренгой троица остановилась.

– Ближе не подходите, – предупредил доктор. – У этих полячишек в диком количестве развелись вши, даже прожарка одежды не помогает...

– Я бы отправил всех в крематорий, – сказал комендант Парижа.

– С этими поступим иначе, – ответил доктор Менгеле. – Сейчас увидите... – Он обернулся к коменданту лагеря: – Отдавайте команду, штурмбаннфюрер!

Майор Хаген кивнул офицеру охраны. Тот передал команду подчиненным.

Автоматчики быстро оцепили выбранное каре. Остальных заключенных стали разводить по баракам.

Когда на территории концлагеря осталось только одно каре, прозвучали новые команды: «Нале-во!» и «Бегом – марш!» Заключенные с совершенно равнодушными лицами сделали поворот и затопали в пыли. Они напоминали стадо животных.

Бежали они с такой скоростью, что охрана легко поспевала за ними шагом.

Зигфрид фон Маннершток и его спутники неспешно шли следом.

– Опять ваши эксперименты, доктор, – ворчал комендант Парижа. – Вам мало лаборатории? Из-за вас я пропускаю интереснейшую вечеринку у баронессы де Сент-Женевьев...

– Терпение, генерал, терпение, – улыбнулся Менгеле. – Я должен вам показать, на что потрачены деньги! – Он сделал приглашающий жест рукой. – Нам сюда!

Они подошли к сторожевой вышке. Доктор Менгеле ступил на лестницу, приглашая следовать за собой. Пока поднимались, фон Маннершток не переставал ворчать.

Внизу охранники все еще гнали заключенных. Они приближались к странному сооружению возле крематория, представлявшему в плане квадрат. Стены этого квадрата имели высоту метров пять, крыша отсутствовала.

К сооружению подходили две трубы, каждая имела вентиль.

– Потерпите немного, – уговаривал спутников Менгеле. – Уверю, зрелище будет интересным!

Они остановились на площадке.

– Что вы задумали? – спросил комендант Парижа. – Новый способ борьбы со вшами?

– Сейчас узнаете, – ответил доктор Менгеле. – И не волнуйтесь, у вашего друга Рено не будет к нам претензий. Я выбрал для эксперимента самый слабый материал.

Людей подвели к металлической двери в стене. Дверь по конструкции напоминала люк, была оборудована воротом и, судя по всему, закрывалась герметично. Дверь раскрыли, людей стали загонять внутрь. Послышались плач, крики, однако охранники действовали с невозмутимостью машин. Когда последний заключенный оказался внутри сооружения, металлическую дверь захлопнули, рогатый ворот повернули несколько раз.

Дальше начались, с точки зрения наблюдателей, вовсе неожиданные действия. Охранники, все как один, надели противогазы.

– Не следует ли нам побережься? – обеспокоенно спросил начальник лагеря. – Вы говорили о газе? У меня с утра болит голова.

– Не извольте волноваться, – ответил Менгеле. – Я дам вам таблетку аспирина. Мой газ стелется по земле, до нас не достанет.

Внизу один из солдат отвернул вентиль. Раздалось шипение, слышное даже на башне, внутри квадрата пополз из невидимых прежде отверстий туманообразный газ.

– Что там происходит? – спросил комендант Парижа.

Выглядело это по-своему красиво. Люди тонули в облаках белого газа, словно погружались в морскую пучину. Вне контура невозмутимо блестели стекла противогазов на солдатах охраны.

– Достаточно, – Менгеле посмотрел на часы и махнул рукой.

Внизу офицер отдал команду. Один вентиль закрыли, второй отвернули. Невидимые установки стали откачивать газ. Когда дым рассеялся, все увидели, что люди внутри контура лежат вповалку.

– Видите, как быстро и аккуратно! – блестя глазами, произнес Менгеле. – Я всегда говорил, что великому рейху не надо тратить на патроны. Этот газ я опробовал на евреях в Дахау и назвал «Циклон-Б».

– Но ветер! – влез фон Маннершток. – Вы забываете о мучениях наших солдат, господи... В 1914 году...

– Я не глупец, уважаемый Зигфрид! – железным голосом произнес Менгеле. – Речь идет о применении газа для зачистки огромных территорий в тылу противника, и я бы с удовольствием провел подобный эксперимент в естественных городских условиях... Я говорю о Париже, над которым главенствуете вы, генерал!

– О Париже? – переспросил фон Маннершток. – Ради чего вы это все затеяли, доктор? Этих свиней я бы просто сжег в бараке... Что касается Парижа, то откуда вам это вообще известно, уважаемый доктор? Приказ секретный, и я ни с кем его не обсуждал... И если вы...

Начальник лагеря наострил уши, но генерал уже оборвал малопонятный монолог.

Менгеле мрачнел все больше и больше. А ведь с утра он был весел, бегал по лагерю, ожидая этого Маннерштока...

Наконец доктор заговорил:

– Я непременно обращусь лично к фюреру, чтобы он доверил мне хотя бы квартал! – закричал он, потрясая сжатым кулаком, а глаза его горели, как у детей, когда они рассуждают о самой заветной мечте. – Вы еще услышите о Менгеле, господа! Весь мир услышит о Менгеле!

В кабинете Гимmlера стояла тишина, прерываемая тиканьем ходиков. Рейхсфюрер сидел в глубоком кресле, на столе перед ним лежала подборка английских и американских газет. Рейхсфюрер читал. Иногда он принимался ласково поглаживать газету маленькой ладонью, и это означало, что Гимmlеру новая информация нравится. Но когда рейхсфюрер начинал ерзать, а то и хлопал рукой по газете – тут уж не требовалось никаких комментариев! И так было понятно, что дела Германии вовсе не соответствовали планам высшего политического руководства.

Стул с противоположной стороны стола занимал штандартенфюрер СС Курт Мейер. Как всегда, в безукоризненном черном мундире, в начищенных до блеска сапогах, он являл собой образец истинного арийца, типичного представителя немецкой нации. Он позволил себе закинуть ногу на ногу и даже не смотрел на Гимmlера.

Наконец Гимmlер отвлекся и заговорил:

– Спасибо за газеты, мой дорогой Курт. Американцы не взяли ни Кан, ни Шербур, а это значит, мы вполне можем сбросить уважаемых Монтгомери и Паттона в море! – Гимmlер хохотнул и, сложив ладони на затылке, откинулся на спинку кресла.

Штандартенфюрер Мейер вежливо наклонил голову, но и сейчас не произнес ни слова.

– Есть еще соображения... – продолжал разглагольствовать рейхсфюрер. – Во-первых, «Фау-2» вполне могут зарекомендовать себя против американцев и англичан, во-вторых, наши солдаты, ставшие в строй после тотальной мобилизации, жаждут отомстить за поруганную родину... Вы как считаете?

Курт Мейер в это время опустил взгляд на первую страницу лондонской «Таймс». Газета, венчавшая стопку остальных печатных изданий, опубликовала маленькую карту боевых действий, эта карта обозначала высадку объединенных англо-американских сил на континенте. Карта, изображенная схематично, не разглашала особых секретов военных, однако и по ней можно было понять, что объединенные англо-американские силы высадились с моря в Нормандии и вслед за тем нанесли два удара. На карте ударам соответствовали стрелки, которые вели налево и направо, на запад и восток. На востоке находился город Кан. На западе – Шербур.

Британские журналисты, похоже, сыграли все-таки для своей страны плохую роль – люди умные в Германии по карте вполне могли разобрать логику врага. Да и Гимmlер не откуда-нибудь взял информацию, а именно из этой газеты.

Мейер понимал все эти вещи, о которых говорил Гимmlер, но молчал, потому что был уверен – рейхсфюрер позвал его не ради обсуждения газетных новостей, а для другого, и все, прозвучавшее сейчас, – лишь преамбула.

– Надеюсь на успех вместе с вами, рейхсфюрер, – произнес Мейер и вновь замолк.

Наконец Гимmlер отодвинул газеты в сторону. С минуту он рассматривал собеседника, затем произнес:

– Вы любите Виктора Гюго, дружище?

Вот, началось. Этот вопрос явно обозначал начало обсуждения темы, ради которой Курт Мейер был вызван к начальнику. Для того чтобы собраться с мыслями, штандартенфюрер выждал паузу.

– Он не ариец, – наконец произнес он. – Как и все эти прочие бальзаки и мопассаны...

– А вот я в юности, признаться, читал «Собор Парижской Богоматери», – улыбнулся Гиммлер. – Из этой книги я сделал вывод, что французы – опасные противники...

– Почему же? – удивился Курт.

– Виктор Гюго мастерски описал их страсти... Во французском национальном характере присутствует нечто такое, – Гиммлер пощелкал в воздухе пальцами, – неукротимое, что заставляет их опасаться.

– Если мои рассуждения будут интересны рейхсфюреру, – заговорил Курт еще более сдержанно, потому что с Гиммлером спорить было нельзя и в то же время хотелось высказать свое видение вопроса, – я позволю себе быть откровенным. Мне не нравится благодушная политика Германии по отношению к Франции. Мне не нравится Компьенский мир, который наши дипломаты заключили 22 июня 1940 года. Надо было разгромить Францию до конца... Чтобы в мировой истории отныне не было упоминания об этой стране... – Курт даже разволновался. – А так – получается дешевая символика.

– Символика, Мейер? – улыбнулся рейхсфюрер. – Это хорошо, что вы заметили здесь символику. Компьенский мир был заключен в том же лесу и даже вагоне, где было подписано столь унижительное для нас перемирие в 1918 году... Тогда французы поставили нас на колени... А в 1940 году уже мы, немцы, продиктовали свои условия нового мира с поверженной Францией! – В голосе Гиммлера отчетливо прозвучали торжественные нотки. – Политическое значение Компьенского мира нельзя преуменьшить!

– И все же я стою на более радикальных позициях, – осторожно заметил Мейер.

– По этому вопросу вы образцовый член НСДАП, дружище! – улыбнулся Гиммлер. – В конце концов, мне нравится ваш подход... Можете считать прозвучавшее ранее очередной проверкой... Но к делу. Вам предстоит командировка во Францию, – рейхсфюрер серьезно посмотрел на Курта.

– Франция? – Мейер поднял брови. – Я готов приступить к выполнению задания. Но почему Франция? Не будет ли угодно сообщить детали?

Рейхсфюрер Гиммлер молчал некоторое время.

– Не будем заниматься политическими, военными и прочими прогнозами, – поморщившись, продолжил он. – Констатируем лишь, что 1944 год – не 1940-й, теперь у нас иная реальность. В обстановке, когда в Нормандии высадились объединенные англо-американские войска, нам следует повысить нашу природную немецкую злость. Деятельность террористов из маки, а также активность тщеславного выскочки де Голля, вещающего из Лондона на территорию Франции, приносят большой вред... В Париже и Франции зреет недовольство, столица может восстать...

Гиммлер замолк. С минуту хозяин кабинета и гость рассматривали друг друга, затем рейхсфюрер продолжил:

– В этой обстановке нам нужно совершить решительный поступок, Мейер! Германия всегда отличалась решимостью, и сейчас мы не потеряем инициативу... Гитлер уже отдал приказ об уничтожении Парижа. Да, дружище, да, это гнездо разврата с его луврами и версаями, а также прочими кафешантанами нужно стереть с лица земли...

– Как вы сказали? – нахмурился Мейер. – Уничтожить?

– Совершенно верно, Мейер, совершенно верно! В том случае, если мы будем вынуждены покинуть город, конечно... Согласитесь, в таком приказе есть политический подтекст. Весь мир должен узнать, что мы, немцы, способны дать по зубам противнику в самый неожиданный момент!

Возникла пауза. Гиммлер с большим воодушевлением поднялся. Мейер тоже сделал движение, чтобы встать, но рейхсфюрер сделал ему рукой знак – мол, оставайтесь на месте.

Рейхсфюрер был красив в своем воодушевлении. Он обошел вокруг стола и остановился у окна, глядя на Берлин, неоднократно подвергавшийся бомбежкам англичан. Гиммлер раска-

чивался на каблуках, сжимая и разжимая кулаки, видимо, воображая масштабы мести, которая должна была поразить врагов.

Не оборачиваясь, Гиммлер заговорил:

– Уже отдан приказ военному коменданту Парижа. Правда, генерал фон Бойнебург, занимающий эту должность, в последнее время проявляет нерешительность... Вообще, откровенно говоря, его пора менять. Ну да ладно. Если что, обращайтесь к его заместителю, фон Маннершток. Это гораздо более надежная фигура.

– Считаете, что Маннершток справится с поставленной задачей?

– Если за дело возьмется фон Маннершток – нет сомнения! Сейчас Бойнебург должен заниматься архитекторами, подбирать группу саперов, способную выполнить поставленную задачу...

– Будет произведено минирование? – хрипло произнес Мейер. – Не проще ли уничтожить город бомбардировкой с воздуха?

Гиммлер словно очнулся. Глубоко вздохнув, он принял обычный вид, вернулся к столу.

– Насколько мне известно, для минирования предполагается использовать метрополитен. Наша авиация также будет работать... нанесет точечные удары.

Из хозяина кабинета словно выпустили воздух. Он замолк, глядя куда-то мимо Курта, и Мейер почувствовал, что нужно разрядить обстановку.

– Хорошо, – произнес Мейер. – Какая же задача, в таком случае, ожидает меня?

– Вам следует проконтролировать вывоз из Парижа культурных ценностей, имеющих отношение к германской истории. А также проследить за уничтожением пленных, работающих на парижских заводах...

Гиммлер снова воспрянул духом.

– Скучать вам не придется, – весело продолжил рейхсфюрер. – Доктор Менгеле сейчас находится во Франции. Он прекрасно знает Париж, да и искусство любит, очень тонкий ценитель. Он вам поможет, рекомендую. – Гиммлер улыбнулся собеседнику. – Это и есть суть вашего задания, Мейер. Итак, вступайте в контакт с Менгеле, консультируйтесь. Остальное вы знаете. Во всем подчиняйтесь только мне. Иных начальников для вас не существует.

Курт Мейер поднялся и вытянулся.

– Мне все понятно, рейхсфюрер! – щелкнул каблуками он. – Разрешите идти?

– Идите, Курт, – улыбнулся Гиммлер. – И передайте моему другу и вашему шефу группенфюреру Мюллеру, чтобы не нагружал вас работой в течение этого времени, пока вы будете собираться...

Шеф гестапо группенфюрер СС Генрих Мюллер действительно внял просьбе Гиммлера и не стал нагружать работой одного из своих лучших сотрудников Курта Мейера. Обычно рабочий день в отделе «IV E 3 – контрразведка и борьба со шпионажем», как, впрочем, и в других отделах, длился до глубокой ночи. Но уже в шесть тридцать штандартенфюрер Курт Мейер сдал все дела начальнику и вышел из здания РСХА.

В гараже штандартенфюрер Мейер некоторое время беседовал с механиком, которого прежде просил проверить тормозную систему своей машины. Поблагодарив мастера за работу и, главное, не забыв заплатить ему, штандартенфюрер Мейер сел в свой новенький черный «Мерседес» и выехал на Принц-Альбрехтштрассе.

Некоторое время «Мерседес», за рулем которого находился Курт Мейер, кружил по городу. Водитель словно хотел оторваться от слежки. «Хвоста», впрочем, не было. Убедившись, что за «Мерседесом» не следует другая машина, штандартенфюрер Мейер направил свой автомобиль на городскую окраину.

Аккуратный пригород был застроен небольшими коттеджами. Курт остановил «Мерседес» возле особняка, окруженного цветочными клумбами. Уверенным жестом распахнул калитку и прошел во двор. Прошагал по песчаной дорожке, ведущей к крыльцу.

На крыльце штандартенфюрер замешкался. Пришла мысль – как-то уж очень бесцеремонно он проник за калитку... Мейер сделал вид, будто копается в карманах, оглянулся. Улица была пуста. Курт вздохнул с облегчением и открыл входную дверь.

Через некоторое время в кухне этого дома, за плотно зашторенными окнами, расположились в уютных креслах Курт Мейер и пожилой мужчина, внешность которого была словно взята с обложки немецкого этнографического журнала. Чрезмерно упитанный, он носил длинные шорты и клетчатую рубашку в национальном стиле, седую голову толстяка обычно украшала тирольская шапочка с пером. Правда, сейчас шапочка висела на крючке в прихожей.

Хозяин дома с любовью рассматривал Курта, глаза толстяка имели какое-то детское выражение, в руке дымилась трубка.

– Итак, на этот раз – Франция... – задумчиво произнес толстяк, выпуская к потолку клубы сизого дыма. – Курите, мой дорогой Мейер, не стесняйтесь!

Курт достал сигареты.

– Вы уверены, что все в порядке? – спросил хозяин дома, и в голосе его послышалась тревога.

– А что может быть не в порядке? – спокойно отреагировал Курт Мейер.

– Вы оставили мне шифровку в таком неожиданном месте.

– Цветочный магазин на Принц-Альбрехтштрассе – вполне надежное место, господин Краузе! – улыбнулся Курт. – А особую надежность ему придает близость РСХА...

– Хорошо, Мейер, я понимаю, что вы хотели передать мне информацию на два часа раньше, – с ехидной улыбкой ответил толстяк, – а также то, что вы досконально знаете мои привычки... По вторникам – а сегодня вторник! – я действительно хожу в цветочный магазин на Принц-Альбрехтштрассе, чтобы проверить новые поступления, которые для меня любезно оставляет милейший хозяин магазина господин Функе... Заодно я проверяю наш старый тайник... Но оставлять шифровку в цветочном горшке – это весьма рискованно!

– Информация не терпела отлагательств!

– Согласен, – толстяк Краузе стал серьезен. – Я уже передал шифровку в Москву...

Почти никто в Берлине не знал, что штандартенфюрер Курт Мейер, этот бравый солдат – по мнению одних, и беззастенчивый выскочка – по мнению других, был на самом деле не кем иным, как майором советской разведки Иваном Родионовичем Денисовым. Старый толстяк, известный как Вильгельм Краузе, был его связной. Кроме того, это был непосредственный начальник Ивана Денисова, другими словами – резидент советской разведки в Германии.

Резидентура разведок всех стран мира имеет сходную суть. Во-первых, если говорить о собирании информации, то официальную, так сказать, разведывательную деятельность ведет посольство одной страны в другой. Оно собирает информацию о политической, экономической, социальной ситуации в стране пребывания, осуществляет контакты между правительствами двух стран. Но, помимо деятельности посольства, в случаях, когда возникает такая необходимость, применяется скрытая разведывательная деятельность. Конечно, случай с фашистской Германией – страны, первой напавшей на СССР, пребывавшей с нашей страной в состоянии войны, был именно такой. Вильгельм Краузе, один из нескольких резидентов, внедренных в Германию, обладал надежной «крышей» и вербовал агентов, которые собирали для него информацию либо вели активные действия.

В случае с Иваном Денисовым все было не так. Он не был рядовым агентом, не был завербован из числа граждан Германии.

Обычный гражданин СССР Иван Денисов стал штандартенфюрером СС Куртом Мейером не за один год. На последнем курсе учебы в Саратовском технологическом институте Иван

Денисов, хорошо владевший немецким языком, был приглашен в кабинет к начальнику особого отдела, где встретился с полковником Управления стратегической разведки Аблоховым. Полковник объяснил, что набирает политически грамотную и толковую молодежь на курсы разведчиков, и предложил Ивану записаться. Так Иван Денисов, любивший романтику, стал слушателем специальных курсов при Управлении стратегической разведки в Москве. Иван любил Родину, а еще действительно хотел показать себя и не мог оставаться в стороне, когда сразу в нескольких странах Европы – Италии, Германии, Испании – поднимал голову фашизм.

После курсов Иван Денисов был направлен в Испанию, где несколько месяцев сражался на стороне республиканцев. Затем Ивана, которому был присвоен псевдоним Знаменосец, переправили в Германию, где уже несколько лет Гитлер находился у власти. По специально разработанной легенде Иван стал Куртом Мейером, жителем Нюрнберга. Сотрудники советской разведки, уже бывшие в этой стране, использовали свои связи для того, чтобы обеспечить молодому «нацисту» Курту Мейеру хорошее продвижение по немецкой партийной лестнице. В 1938 году Курта Мейера заметил и приблизил к себе Генрих Мюллер, ставший шефом гестапо. Курт Мейер служил в охране Мюллера. Когда началась Вторая мировая война, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, которому нужны были сотрудники, обладавшие недюжинными способностями, по рекомендации Мюллера стал использовать аккуратного и отважного Курта Мейера для личных поручений. Скоро Курт Мейер получил звание штандартенфюрера СС, то есть полковника немецкой тайной политической полиции.

Никто не знал о «двойном дне» штандартенфюрера Курта Мейера. Даже в Управлении стратегической разведки считанные люди были в курсе того, что сотрудник разведки, имевший псевдоним Знаменосец, добился такого исключительного служебного успеха у немцев. Советское командование берегло майора Ивана Денисова как зеницу ока. Использовать Знаменосца разрешалось только для самых ответственных случаев.

Одним из таких случаев для майора Денисова стала миссия в Смоленске. По заданию Центра он в конце 1942 года расстроил работу так называемого «Учредительного съезда Русского Освободительного движения», которое планировали организовать переметнувшиеся на сторону гитлеровцев генерал Власов и его сообщники. Съезд и движение считались явлениями чисто политического порядка и потому особенно опасными. Еще Власов хотел создать РОА – Русскую освободительную армию, состоявшую из бывших советских военнослужащих, завербованных в немецких концлагерях. Власовская армия, по задумке, кроме помощи гитлеровцам на фронтах, должна была выполнять функцию некоего «прообраза» будущей России – без Сталина и большевиков. Это особенно напугало Центр. Майор Денисов отлично понимал, что «власовская Россия» без союза с фашистской Германией невозможна, потому и сорвал съезд предателей.

В Норвегии у майора Денисова было также много работы. Его усилиями был предотвращен обстрел Мурманска немецкими ракетами «Фау-2», который мог повлечь за собой большие человеческие жертвы.

Теперь ждало очередное задание в Париже. Как всегда в трудный момент, Иван Денисов приехал посоветоваться со своим связным и старшим товарищем.

– Почему именно вас посылают во Францию? – спросил Краузе. – Кроме вас, действительно никого не нашлось?

Резидент Краузе был одним из старых советских разведчиков, живших в Европе на протяжении нескольких десятилетий. Настоящего имени своего связного Курт не знал.

– Гиммлер объяснял мне это в течение двадцати минут, – усмехнулся Мейер. – Видите ли, я образцовый сотрудник! По словам Гиммлера, с такими темпами работы, какие наблюдаются у меня, я скоро смогу перегнать его самого и занять место фюрера...

– А ведь это было бы здорово, Мейер, честное слово, здорово! – Глаза Краузе загорелись, он поднялся и заходил по комнате. – Подумайте, сколько хорошего можно было бы совер-

шить... – Толстяк, размахивая дымившейся трубкой, выглядел потешно. Наконец он остановился и уселся в кресло. – Однако шутки в сторону, – произнес хозяин дома уже серьезно. – На ловца, как говорится, и зверь бежит... И в теперешнем своем состоянии вы можете совершить немало хорошего.

– Что именно, Вильгельм? – спросил Курт Мейер.

Толстяк наклонился, оперев локти в колени.

Он любил Курта Мейера. В известной степени Курт Мейер был его детищем. И многие успехи Курта были достигнуты благодаря советам умудренного жизнью Вильгельма. И поэтому Краузе решил все как следует растолковать.

– Москва уже знает об уничтожении Парижа... – начал Краузе.

– Понятно. Вы передали.

– Совершенно верно. И сразу же был получен ответ. Вы должны изыскать способы освободить некоего Фредерика Лагранжа, попавшего в лапы гестапо в Париже...

– Гестапо – в Париже?

– Вы знаете, что официально деятельность гестапо вне территории Третьего рейха не допускается, это вопрос разделения властей между военными и партийными структурами, – напомнил Краузе. – Однако в Париже есть такая немецкая военная полиция... Это очень интересная организация, костяк которой составляют люди Гиммлера!

– Значит, мне придется вступить с ними в контакт, – наклонил голову Курт. – Правда, Гиммлер говорил мне о военном коменданте Парижа генерал-лейтенанте фон Бойнебурге и его заместителе фон Маннерштоке. По приезде мне предписывается явиться к ним...

– Явитесь. Но не забывайте о тех, кто действительно держит в руках все нити.

– Гиммлер упоминал еще одного, – Курт вытащил из кармана бумажку, прочитал: – Гельмут Кнохен, оберштурмфюрер...

– Это первый человек Гиммлера в Париже! – кивнул Краузе. – Вы попали в самое сердце организации.

– Иначе и быть не может! – улыбнулся Курт Мейер. – Иной раз я думаю, не взять ли бомбу, не взорвать ли все к чертовой матери...

– Ничего не получится, этим вы лишь сожжете себя, – покачал головой Краузе. – Если вы убьете даже Гиммлера, на его место встанет другой. Надо выполнять наши задания.

– Хорошо, – стал серьезным Курт Мейер. – Говорите... Кто такой Лагранж? Почему его надо спасти?

– Это видный математик и инженер, один из авторитетных людей Франции, к его мнению прислушивались. Он мог выступить в печати... Наша разведка хотела влиять на него – с целью противостояния фашизму, разумеется...

– Понятно, – сказал Курт.

– Кроме того, Лагранж, как инженер, знает расположение парижских катакомб и метрополитена. Мы предлагали вывезти его из страны накануне гитлеровского вторжения, однако Лагранж отказался... Потом Германия оккупировала Францию, и Лагранжа арестовали.

– Он жив?

– Это вам предстоит узнать. Факт в том, что он может помочь избежать уничтожения Парижа.

Краузе побарабанил пальцами по столу.

– Сейчас Москву интересует французское Сопротивление и люди де Голля, это связано с планируемым восстанием и готовящимся уничтожением города. Чтобы удовлетворить французов, в Москве подняли архивы и изменили отношение к людям, которым раньше не доверяли. Это также относится и к Лагранжу.

– Понимаю.

Курт Мейер посмотрел на Краузе внимательно.

– Будьте со мной откровенным, – сказал Курт Мейер. – Лагранж – ведь это фигура европейского масштаба...

– Совершенно верно. Даже всемирного. Известный ученый.

– Если я спасу его, Москва не примет решение расстрелять его?

Вильгельм Краузе поперхнулся. Этот малый задал очень откровенный вопрос. Но в разведке нет особых отделов, спецслужб, и нужно доверять друг другу.

– Нет, Москва его не расстреляет.

– Вам можно верить?

– Да.

Теперь уже старик Краузе смотрел на Курта Мейера внимательно.

– Вот что, – произнес он твердо. – Мне все равно придется доложить в Москву, что вы отправляетесь в Париж. Я доложу, что передал вам приказ спасти Лагранжа.

– Хорошо, я попробую.

– Есть еще просьба личного порядка... – Взгляд старика стал виноватым. – Прошу найти в Париже провокатора по кличке Осел... Кличка глупая, но зловещая... На счету этого Осла сотни жизней, он получил кличку по причине дьявольской работоспособности.

У меня был связной, мой очень большой друг, – продолжал Краузе после небольшой паузы. – Мы работали во Франции в начале войны, все это взаимосвязано. Мы работали с Лагранжем. Передали его статью для публикации в Москве. Хотели переправить отзывы наших ученых. Но не успели. Нас троих выдал Осел. Я бежал, мой друг был расстрелян. Лагранж до сих пор сидит. – Краузе посмотрел на Курта очень внимательно. – Он должен поверить тебе, если ты назовешь имя Жюля Ришара, садовника, который жил по соседству. – Краузе улыбнулся. – Этим садовником был я, я вынужден был снять особняк рядом с его домом, чтобы познакомиться... Скажи, что я спас его дочку, она теперь в Америке. Об этом вообще никто не знает, кроме меня и Лагранжа. Ее зовут Лаура.

Помолчав, Краузе продолжил:

– После гибели моего друга, того самого связного, меня перевели в Берлин и понизили в звании. Обвинили в его смерти. Хотели отозвать в Москву, но я попросил оставить меня здесь. Убедил, что здесь я нужнее. Приедь я в Москву, меня расстреляли бы.

Курт побарабанил пальцами по столу.

– Хорошо, – склонил он голову. – Я приложу все силы, чтобы помочь вам.

Куранты на Спасской башне проббили девять, советская столица давно кипела бурной утренней жизнью. В Народном комиссариате иностранных дел готовилась встреча представителей стран-союзников. Эта встреча считалась предварительной, рабочей, носила неофициальный характер. Она организовывалась в рамках подготовки конференции, на которой в скором времени предстояло обсуждать послевоенное устройство мира.

Ведь дух победы витал в воздухе, война близилась к концу, и если сами гитлеровцы, судя по их газетам, не хотели признать это, то весь мир давно жил подготовкой к послевоенной жизни.

Ровно в десять ноль-ноль в кабинет, определенный для заседания, вошел народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Его приветствовали министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден и вице-президент Соединенных Штатов Америки Гарри Трумэн. По предварительной договоренности, кроме трех высокопоставленных дипломатов и их личных секретарей, в кабинете никто не должен был находиться. Поэтому когда Молотов ввел молчаливого незнакомца, Иден и Трумэн вопросительно переглянулись.

Неизвестный, сохраняя невозмутимость, занял кресло в углу. И дальше сидел этот человек с таким видом, словно его тут и не было.

– Полагаю, господа не станут возражать против того, что в число стран-победительниц предлагается включить Францию, – негромко произнес Молотов. – Ее представителя я пригласил сюда для присутствия в качестве наблюдателя.

Трумэн промолчал, Иден ехидно улыбнулся:

– Не позволит ли господин Молотов в таком случае ввести в качестве наблюдателя представителя эмиграционного правительства Польши, которое тоже нашло убежище в нашей стране?

– Этот человек представляет правительство генерала де Голля, которое тоже нашло убежище в вашей стране, господин Иден! – звонким голосом парировал Молотов. – Таким образом, Великобритания представлена двумя наблюдателями, и если у господина Трумэна нет возражений...

Трумэн отрицательно покачал головой, и Иден был вынужден снять свои требования.

– Что ж, тогда начнем, – сказал Молотов. – Многочисленные сторонники генерала де Голля сражаются на стороне союзников, также мы не вправе сбрасывать со счетов усилия внешней французской армии... – Видя, что министр иностранных дел Великобритании продолжает молчать, продолжил: – Собственно, присутствие представителя Франции вызвано вопросом, который я намерен затронуть... Советскому руководству стали известны планы нацистов, касающиеся уничтожения Парижа в случае успешного продвижения союзнических войск в глубь Франции...

Присутствовавшие зашевелились. Сказанное было для них новостью, Трумэн и Иден почти одновременно кивнули своим секретарям, и те принялись строчить в бумагах.

– Причина? – резко произнес Иден.

– Кроме всего прочего, в угрозе взорвать Париж присутствует элемент шантажа, – спокойно продолжал Молотов. – Мол, если вы прекратите военные действия на Западном фронте, то Париж останется цел. Но, кроме того, есть и элементарный расчет. В Париже может начаться восстание...

– Надеемся все же, что генерал Паттон успеет войти во французскую столицу раньше, чем немцы подорвут этот город, – нервно произнес Трумэн.

– Будьте уверены, маршал Монтгомери также приложит все силы, – ревниво добавил Иден.

Молотов подавил улыбку, поняв, что вызвал взаимную неприязнь дипломатов. Паттон и Монтгомери, англичанин и американец, командовали объединенными англо-американскими силами, высадившимися на континенте. В маленьком соревновании только что прозвучавших реплик четко прослеживалось будущее соревнование правительств двух стран за послевоенное влияние в Европе.

– Для Советского Союза не являются новостью планы фашистской Германии по уничтожению Парижа, – продолжал Молотов. – Мы давно располагаем ценной информацией и имеем возможность препятствовать такому ходу событий...

– Простите, как вы можете препятствовать? – изумился Иден. – Ваших войск нет во Франции!

– И парашютный десант, к сожалению, не выбросишь, – с едкой иронией добавил Трумэн.

– Тем не менее у нас надежные средства, господа, – спокойно произнес Молотов. – Вот увидите, Париж, эта подлинная жемчужина Европы, останется цел.

Молчаливый человек, до сих пор не подававший признаков жизни, согласно наклонил голову.

Глава 2

Холм Монмартр черепашим панцирем возвышался над Парижем. Старинные дома облепили кривые улочки. Под разноцветными черепичными крышами разместились художники – их было много, очень много, мольбертами заставлен, казалось, весь район. На картинах можно видеть старинные дома, горожан, пригородные пейзажи...

Среди художников выделялся седовласый красавец, который сидел под раскидистым платаном. На художнике был берет. Человек этот, имевший худощавую фигуру, впалые щеки и умные глаза, со спины выглядел лет на тридцать, не больше. Однако лицо его, покрытое сетью морщин, говорило о возрасте. Портретист был старше, много старше...

Художник рисовал собор Сакре-Кер, видневшийся в конце улицы. Одновременно он напевал: «Падам, падам...» – песню, которую исполняла Эдит Пиаф.

На асфальте возле трехногого мольберта стояло несколько портретов немецких офицеров.

– Спрячь портреты, зачем выставлять такое количество? – обратился к художнику коллега – толстоватый, одетый в молодежную цветастую рубашку, примерно одного с седовласым возраста.

– Этим я демонстрирую лояльность к властям, – буркнул седовласый.

Внезапно взгляд его выделил из толпы девушку, которая шла по тротуару. Девушка была тоненькая, худенькая, очень изящная. На плече ее висела сумочка. Девушка подошла и остановилась рядом. Художник не отрывал от нее взгляда.

Складной стул для клиентов, стоявший под деревом, был свободен. Девушка надула губки и вдруг решительно прошла к стульчику, опустилась на него. Она расстегнула сумочку и стала нервно в ней копаться, вытащила на свет зеленую пачку сигарет «Лоран», щелкнула зажигалкой и закурила.

Художник тем временем выбирал кисти.

– Адель, тебя так и нарисовать – с сигаретой в руке и лицом в облаке дыма? – пошутил он.

Взгляд девушки был устремлен вдаль. После вопроса она встрепенулась и посмотрела на художника.

– Ах, дядюшка Клод, как жаль, что вы растрачиваете свой талант на портреты этих жирных самодовольных бошей! – заговорила девушка. Она тронула носком маленькой туфли один из портретов, стоявших у ее ног.

Картина упала.

– У вас неповторимый художественный почерк, вас ни с кем не перепутаешь, – продолжала девушка, – а вы просиживаете здесь день-деньской...

– Адель, ты ведешь себя как ребенок! – сказал художник, вставая со своего места и поднимая картину. – Как только ты смогла убежать от того немца, которого столкнула в реку...

С ней действительно был такой случай. Девушка шла по набережной Сены, когда к ней стал приставать пьяный немецкий фельдфебель. Она, ни слова не говоря, толкнула его, и пьяница свалился с моста. Девушка припустила бегом с места происшествия. О последствиях своего поступка она не знала.

– Ничего! Он неплохо выкупался! – презрительно ответила Адель.

– Все равно... Нельзя быть столь беспечной и называть наших освободителей «бошами»... – Художник понизил голос, оглянулся. – В городе полно гитлеровцев...

– Я ненавижу бошей! – презрительно прищурившись, произнесла девушка, которую звали Адель.

– Да? И ты намерена всегда сталкивать их в реку? А если Сены рядом не будет?

– Ха! – Она пожала плечами. – Я пригрожу, что с ними расправится мой любовник... – Глаза ее сияли.

– Кто же это? – поддел художник.

Она понизила голос:

– Главнокомандующий немецкими вооруженными силами во Франции генерал Отто фон Штюльпнагель!

– Генерал Отто фон Штюльпнагель принял сторону заговорщиков, милая, – покачал головой художник. – Он арестован после покушения на фюрера. Тебе следует придумать другое имя... Например, военный комендант Зигфрид фон Маннершток...

У Адель был настолько удивленный вид, что художник фыркнул.

– Мсье Клод? – отвлекся от работы сосед. – Вас веселит ваша племянница?

– Еще как веселит! – ответил дядюшка Клод. – Если бы ты знал, что она недавно учудила... – И все же Клод не хотел рассказывать коллеге о том, как Адель столкнула немецкого фельдфебеля в реку. Внезапно погрузившись, он сказал о другом: – Она хуже ребенка, Шарль... Адель, дорогая, – обратился он к девушке. – Я все-таки прошу тебя быть осторожней. Как ты ведешь себя?

Девушка опустила голову, но тут же стрельнула взглядом по сторонам.

– Дядюшка, умоляю, перестаньте воспитывать меня, вот приближается молодой человек, которому я вполне могу понравиться...

– Ты совершенно невозможна, Адель, – вздохнул художник. – Но довольно. Ты принесла газету?

Вынув из сумочки газету, сложенную вчетверо, девушка передала ее художнику и вновь устремила взгляд на улицу. По тротуару шел молодой незнакомец. Было похоже, что он действительно посматривал в сторону Адель.

– «Пари суар»! – выпалила девушка. – Читайте, читайте!

Дядюшка Клод развернул газету, прошелся взглядом по разделу объявлений.

– Четвертый номер публикуем одно и то же, – вздохнул художник, – а ответного объявления нет, и никто не приходит. – Голос старика вдруг зазвучал увереннее: – У тебя есть еще что-нибудь, Адель?

– Шифры остаются прежними! – произнесла девушка и поднялась. – Я пойду! До свидания, дядюшка Клод...

Художник еще наносил мазки, а девушка была далеко... Она подошла к молодому парню, тот о чем-то заговорил с ней. Выглядело так, будто они знакомы. Клод долго смотрел им вслед, потом покачал головой...

Молодые люди уже скрылись за углом дома, когда к художнику обратился коллега по имени Шарль.

– Она права, – сказал Шарль. – Нельзя всю жизнь проводить на одном месте...

– Как только окончится война, уеду в Бретань, – вздохнул Клод. – Вернусь к своим любимым морским пейзажам. Поедешь со мной?

– А как же! – ответил тот и подмигнул. – Но я буду изображать своих любимых морских русалок...

Они рассмеялись и разошлись по своим рабочим местам.

Поезд стучал колесами на стыках рельсов. Курт Мейер, с удобством расположившись в мягком купе, смотрел в окно. Мимо проплывали приграничные пейзажи Германии. В руке Мейера дымилась сигарета, а сам он размышлял.

...Майор советской разведки Иван Денисов порядком устал от войны. Сложнейшие задания Центра означали для него изнурительную работу, во время которой он был вынужден совершенно забыть свое собственное «я». Он давно перестал быть Иваном Денисовым. Он

одевался как Курт Мейер, говорил как Курт Мейер и поступал как Курт Мейер. Ему всегда хотелось избавиться от шкуры штандартенфюрера, но он был вынужден бесконечно играть свою роль.

Вот сейчас он ехал во Францию. Иван Денисов стряхнул пепел в пепельницу и улыбнулся. Франция всегда представлялась ему весьма романтической страной, родиной героев Александра Дюма, например. Но не только об этом думал Иван Денисов. Вспоминалась и Великая французская революция, и Парижская коммуна, и люди, чей дух и решимость всегда вызывали в нем восхищение.

В самом деле, не отголосок ли духа Великой французской революции вдохновил Ивана Денисова пойти в разведчики, воевать затем в Испании, дать согласие быть переброшенным в Германию, где у власти уже был Гитлер, выполнять сложнейшие задания, во время которых приходилось рисковать жизнью? Не искренняя ли потребность проявить такое простое человеческое чувство, как взаимовыручка, воспитанная и «Тремя мушкетерами» в том числе, выделяла всегда Ивана Денисова, да и штандартенфюрера Курта Мейера, из числа других людей? Отголосок духа Франции жил в обоих этих личностях.

А сколько еще всего можно было вспомнить...

Теперь Франция была рядом. Курт принялся вспоминать, что он знал по недавней военной истории этой страны.

В 1940 году Франция была оккупирована фашистской Германией. Впрочем, не вся страна, на юге страны осталась «свободная» территория, власть в которой принадлежала пронемецкому правительству Виши. На деле «вишисты» были марионетками гитлеровского режима, защищали немецкие интересы.

Правительство Виши просуществовало недолго. В 1943 году в Африке фельдмаршал Роммель начал военные действия против англичан, и территория, подконтрольная Виши, перестала существовать. Немецкие войска прошли до побережья Средиземного моря. В Париже же на свет появилось правительство коллаборанта Петена, которое взяло на себя, по договоренности с гитлеровской стороной, некоторую долю властных полномочий во Франции.

Поезд остановился на маленькой станции. Немногие пассажиры – те, которые стояли у окон в коридоре вагона, – поспешили занять свои места. По вагону прошел шепоток, двери купе закрылись.

Курт решил сделать иначе. Он штандартенфюрер СС, чего ему бояться? Он решительно прошагал по вагону и спрыгнул с подножки на перрон.

На перроне стоял начальник поезда – Мейер запомнил этого человека еще с момента отправки поезда с Берлинского вокзала.

– Как долго стоим? – осведомился Курт, оглядываясь по сторонам. И, чтобы отбить лишние вопросы, протянул служебное удостоверение.

– Хайль Гитлер, – машинально произнес начальник поезда. И как-то странно глянул на Курта. – Вы бы остались в вагоне, господин штандартенфюрер, – мягко добавил начальник поезда, – сейчас придут пограничники...

– Мне нужно купить газеты, – сухо объяснил Курт. И, не дожидаясь ответа, пошел по перрону.

Собственно, необычная реакция удивила. Прежде любой собеседник, стоило ему понять, с кем он имеет дело, впадал в некое состояние, похожее на прострацию. Почему же здесь было не так? Подумав, Курт решил, что необычная реакция начальника поезда является следствием флегматичности его характера.

У здания станции стоял газетный киоск. Деревянный, старый. В маленьком окне Курт увидел газетчика, тот склонился над своим товаром. От обилия газетных заголовков зарябило в глазах... «Фёлькишер беобахтер», «Ренише цайтунг»... Продавались в киоске и французские газеты.

Курт вдруг прикипел глазами к первой полосе «Фёлькишер беобахтер». Официальная нацистская газета кричала о том, что... Нет, в это невозможно было поверить! На Гитлера было произведено покушение! И когда? Вчера, в день выезда Мейера из Берлина! Вернее, поезд отправился вечером, покушение было совершено в полдень... Но почему он ничего не знал? И почему его выпустили?

– Ничего об этом не слышали, господин? – спросил старый продавец, указывая на газету. – Нашему любимому фюреру неслыханно повезло...

– Хайль Гитлер, – произнес Курт машинально. Точно таким же тоном, каким только что произнес начальник поезда. – Сколько стоит газета? – Он не отрывал взгляда от заголовка.

Газетчик назвал цену, и Курт расплатился.

– Возьмите... – старик просунул газету в окошко.

– Благодарю вас...

Курт быстро развернул «Фёлькишер беобахтер». Статья сообщала о том, что мятежный полковник фон Штауффенберг, решивший уничтожить Гитлера, пронес на совещание, в котором участвовал фюрер, мину, оставил ее там, а сам позорно бежал... Мина взорвалась, но не причинила Гитлеру вреда.

Больше в газете не было подробностей, автор статьи лишь в высокопарном тоне благодарил небо за счастливое спасение Гитлера и поносил «врага нации», задумавшего гнусное преступление. «Особенно гнусно, – писал автор, – что наши враги развернули свою деятельность в столь трудные для Германии дни, когда каждый немецкий мужчина рвется на фронт...»

Вот как! Хоть автор признал дни «трудными»!

Однако надо было возвращаться, газеты Курт мог почитать и в поезде.

– Парижские газеты есть? – отвлекшись, спросил Курт Мейер.

– Если угодно господину, – улыбнулся газетчик. – Но если вы потерпите немного и переедете на ту сторону границы, французские газеты будут стоить дешевле...

Курт с трудом сообразил, что имеется в виду.

– Там есть такие журнальчики, – слышался голос старика, – которые не встретишь в Германии...

– Прекратите, – поморщился Мейер. – Покажите, что у вас есть...

Он быстро выбрал несколько французских газет – «Пари суар», «Ле Монд», «Паризьен». Расплатившись, сунул под мышку газеты, скрученные в трубку, и зашагал вдоль состава.

– Поторопитесь, господин штандартенфюрер, – такой репликой встретил его начальник поезда. – Пограничники уже в вагоне...

И вновь – этот странный взгляд! Курт лишь коротко кивнул и поднялся по ступенькам.

Пограничный наряд, состоявший из унтерштурмфюрера и двух солдат, вооруженных автоматами, стоял у открытой двери крайнего купе. Еще двоих в штатском Курт заметил в дальнем конце вагона. В руках одного из этих людей чернела большая папка.

– Разрешите пройти? – произнес Мейер.

Унтерштурмфюрер обернулся, взгляд его стал ледяным.

– Кто вы?

– Пассажир этого вагона, – процедил Курт. – Вы проверите мои документы позже.

Его пропустили. Курт прошел в купе, опустился на скамью и снова развернул газеты. Странное оцепенение овладело Мейером, все мысли были об одном.

Почему Москва не приказывала ему заинтересоваться этим? Ведь за покушением Штауффенберга наверняка стоял заговор – а Курт Мейер, работая у Мюллера, пребывал в самом сердце Берлина, общался с высшими офицерами, мог выполнить это задание!

Французские газеты остались на потом. Курт пробежал глазами более подробные статьи о событиях в Германии. «Рейнская газета» рассказывала, что полковник фон Штауффенберг, от которого никто не ожидал подобных действий, положил в портфель мину и проник на сове-

щание, где присутствовал фюрер. Сопровождение проходило в «Вольфшанце» – ставке Гитлера в Восточной Пруссии. Полковник Штауффенберг поставил портфель с миной под стол, а сам вышел, сославшись на важный телефонный разговор с Берлином. В бункер он не вернулся, а направился на аэродром, откуда вылетел срочным рейсом в Берлин. Портфель стоял совсем рядом с ногой фюрера, буквально в метре. Когда раздался взрыв, фон Штауффенберг был уже в воздухе. Полковник пребывал в уверенности, что Гитлер погиб, однако фюрера, как писала газета, «спасло провидение и массивный дубовый стол, защитивший от взрывной волны».

Еще газета утверждала, что «кислотная мина», использованная Штауффенбергом, была британского производства, это определили по ее составным частям, обнаруженным на месте взрыва. Почему-то высказывалось мнение, что такими минами враги рейха и в будущем будут пытаться устранять его руководство.

Отложив газету, Курт посмотрел в окно. Мысль о минах показалась глупой. Потом он стал думать о мятежном полковнике. Он не был знаком с фон Штауффенбергом близко, лишь несколько раз видел в Берлине на различных торжествах. Этот стройный офицер, молчаливый, полный решимости, в Тунисе получил серьезное ранение, лишился правой руки и правого глаза. Курту он всегда внушал симпатию.

На вечеринке по поводу дня рождения фюрера они вполне могли познакомиться, но Мейера отвлек Гиммлер. Как всегда, рейхсфюрер принялся делиться впечатлениями о любовницах Геринга, о капризах Гитлера, о бестолковом служебном рвении Кальтенбруннера, в то время, пока Штауффенберг пил шампанское в компании фронтовиков. Потом полковник куда-то ушел, и знакомство не состоялось.

Получается, сама судьба спасла Мейера от подозрений.

Курт еще раз внимательно просмотрел публикации. Выходило, что среди немецкого руководства были противники фюрера. Фюрера – но не существующего режима. Ничто в статье не говорило о том, что фон Штауффенберг был антифашистом. Видимо, покушение все-таки было следствием борьбы за власть.

В дверь постучали.

– Войдите! – сказал Мейер и отложил газеты.

Дверь с силой открыли, на пороге возникли пограничники.

– Итак, ваши документы, господин штандартенфюрер, – ласково произнес эсэсовец.

Вот как? Он знает звание? Курт сопоставил слова начальника поезда и только что прочитанные газетные публикации и решил, что интерес к нему вызван тем обстоятельством, что он едет из страны.

– Пожалуйста, унтерштурмфюрер, – спокойно произнес Курт, подавая паспорт. – Только поскорее, у меня много дел в Париже.

Разумеется, виза в паспорте была в порядке, да и ничего запрещенного с собой Мейер не вез. И все же пограничник очень долго рассматривал документ и вернул его Курту.

– Ваше удостоверение, – произнес унтерштурмфюрер.

Мейер поднял брови, но молча подал служебное удостоверение.

– Мы вынуждены попросить вас пройти с нами, – сказал унтерштурмфюрер. – У меня приказ – всех старших офицеров проверять в здании станции...

Курт, пожав плечами, добавил:

– Ах да, я не показал вам еще один документ, господа...

Он достал из кармана бумагу, которой снабдил его Гиммлер. Документ предписывал всем немецким службам – военным, гражданским и специальным – оказывать содействие штандартенфюреру Курту Мейеру во время его командировки в Париж.

Унтерштурмфюрер пробежал взглядом по размашистой подписи Гиммлера.

– Это ничего не значит. У нас приказ. Предлагаю пройти со мной.

– Хорошо, пройдемте, – разозлился Мейер. – Я целиком в вашем распоряжении!

Они вышли из поезда. Причем было такое впечатление, что не унтерштурмфюрер и солдаты ведут Курта, а Мейер ведет за собой по перрону группу пограничников.

Недалеко от газетного киоска был расположен вход в здание.

– Здесь? – Курт указал рукой.

– Так точно, – сдержанно кивнул унтерштурмфюрер.

Мейер распахнул дверь. Они пересекли темный вестибюль, пахнувший пылью и влагой. В вестибюле было пусто – лишь одинокий воробышек летал под потолком. Прошли по короткому коридору. Наконец унтерштурмфюрер остановился перед дверью.

– Нам сюда, – произнес офицер и распахнул дверь.

Курт коротко кивнул и первым переступил порог. Эсэсовец последовал за ним. Солдаты остались снаружи.

Они оказались в небольшом кабинете. Толстый хозяин кабинета сидел за столом. При появлении гостей он кивнул унтерштурмфюреру как старому знакомому.

Судя по всему, это был начальник станции. Курт присмотрелся к нему. Конечно, на Мейере был гражданский костюм, однако можно было как-то отреагировать на появление вошедших! Начальник станции что-то жевал, встать не собирался.

– Хайль Гитлер! – резко произнес Мейер. – Нельзя ли все закончить побыстрее?

Начальник поперхнулся. Он вскочил, недоуменно посмотрел на унтерштурмфюрера. Тот молчал.

– Хайль Гитлер! – повторил Курт.

– Хайль Гитлер! – отозвался толстячок растерянно. Смешно было наблюдать, как вслед за этим он вскинул вверх короткую руку. Курт остался невозмутим.

А начальник все искоса рассматривал унтерштурмфюрера – мол, кто это? Тот, судя по виду, ничего не мог объяснить.

– Я штандартенфюрер СС Курт Мейер, – объявил Курт. – Вы хотели проверить меня? Проверьте! – Он опустился на свободный стул.

Унтерштурмфюрер нерешительно снял трубку с телефонного аппарата:

– Докладывает унтерштурмфюрер Папен...

Он продиктовал данные паспорта Курта Мейера, после чего положил трубку на рычаг и обратился к Мейеру:

– Теперь вам следует обождать, господин штандартенфюрер. Вашу фамилию проверят, если ее нет в списках, вы сможете продолжить вашу поездку...

– Но уйдет мой поезд! – Курт посмотрел в окно.

Начальник станции пожал плечами:

– За это я не отвечаю.

– Хорошо! – с угрозой произнес Мейер. – В таком случае мне также нужно позвонить! –

Он решительно снял трубку с телефонного аппарата.

Унтерштурмфюрер сделал шаг вперед, рука его легла на рычаг аппарата.

– Кому вы собираетесь звонить?

– Моему другу рейхсфюреру Гиммлеру в Берлин, – спокойно объяснил Курт.

Краем глаза он заметил отвисшие челюсти пограничников.

Пока Мейер набирал номер приемной Гиммлера, унтерштурмфюрер что-то шептал на ухо начальнику станции. Тот стал бледным, как мертвец. Только бы рейхсфюрер был на месте, мелькнула мысль.

– Алло, приемная рейхсфюрера слушает, – послышался далекий голос в трубке, и Мейер повеселел, узнав гиммлеровского секретаря.

– Здесь штандартенфюрер Мейер, – громко произнес Курт. – Извольте доложить рейхсфюреру, что у меня проблема на границе...

Ну вот, отличная вышла драка. Так и надо было держать себя везде. Курт любовался начальником станции и пограничником. Те устремили взгляды на портрет фюрера на стене. Губы начальника станции шевелились, словно он молился. Унтерштурмфюрер тоже выглядел не лучшим образом, переминался с ноги на ногу, изредка поглядывал в окно на стоявший у перрона поезд.

Наконец в трубке раздался далекий голос:

– Гиммлер у аппарата...

– Приветствую вас, рейхсфюрер, – вздохнул с облегчением Курт. Он коротко рассказал, что застрял на пограничной станции и его просят разъяснить цель командировки во Францию. После чего вытянул руку с трубкой: – Кто из вас будет разговаривать с рейхсфюрером, господа?

Двое переглянулись. Начальник станции произнес, закашлявшись:

– Хм... Давайте я...

Он держал трубку двумя пальцами. Раз или два толстяк поднимал свободную руку и принимался потирать то место на груди, где было сердце. На пальце его поблескивало обручальное кольцо, и Курт подумал, что начальнику станции будет сегодня вечером о чем рассказать жене.

Наконец толстячок произнес елеинным голосом:

– Так точно, господин рейхсфюрер... Слушаюсь, господин рейхсфюрер... Все будет сделано! – Он трясущейся рукой протянул трубку Курту: – Вас, господин штандартенфюрер...

Курт взял трубку, приложил к уху.

– Штандартенфюрер Мейер у телефона, – сухо произнес он.

– Мейер, не обращайтесь внимания на всяких глупцов, – раздраженно произнес Гиммлер. – Почему бы вам самим не послать их подальше? У вас есть пистолет? Расстреляйте парочку... – Сделав паузу, Гиммлер добавил: – Здесь, в Берлине, действительно была заварушка, но сейчас все закончилось. Кучка авантюристов решила все прибрать к рукам, Мейер, не более... Продолжайте спокойно выполнять задание!

– Слушаюсь! – ответил Курт. И спросил специально громко, чтобы все слышали: – Что с фюрером?

– Здоровье фюрера вне опасности, – ответил Гиммлер. – Итак, Мейер, вперед! Будут затруднения – докладывайте лично мне, не стесняйтесь...

Курт поблагодарил и положил трубку. Затем победным взглядом прошелся по присутствовавшим.

– Итак, господа, – весело произнес Мейер. – Сколько остается времени до отхода поезда? Вы меня проводите?

– Ах да, конечно, пройдемте, – смутился унтерштурмфюрер.

Уже выходя из кабинета, Курт услышал, как зазвонил телефон. Это был человек, проверявший списки участников заговора. Но унтерштурмфюрер закрыл дверь, и Мейер так и не узнал, присутствовала ли его фамилия в списках.

Они вышли из здания и проследовали по перрону. Начальник поезда глянул на Курта – тот уже шел как герой.

Все четверо – Курт Мейер, унтерштурмфюрер, два солдата – вошли в вагон. Проследовали до купе Курта. Тут пограничник отдал Курту честь и приказал солдатам перейти в следующее купе.

Мейер раскрыл французские газеты. Бульварная «Пари суар» имела большой раздел объявлений. Большинство составляли однотипные фразы о том, что кто-то ищет родственников. Наконец в нижнем левом углу Мейер увидел: «Художник-портретист снимет мансарду в районе Монмартра». Еще указывались название кафе и номер телефона, стояла приписка: «Спросить у бармена». Курт Мейер закрыл газету. Судя по информации Краузе, это было то самое объявление, которым французские подпольщики информировали о способе связи с ними.

Он вышел в коридор, закурил у раскрытого окна. Внизу, по платформе, ходили женщины, предлагали яйца, курицу, завернутую в газету. Мейер присмотрелся – газеты были французские. К женщинам направился патруль. Продавщицы, быстренько спрятав товар, ретировались.

Поезд наконец тронулся. Курт с сомнением посмотрел за окно. За окном началась Франция.

Глава 3

Из окна, забранного решеткой и наполовину утопленного в тротуар, был виден расклейщик афиш возле театральной тумбы. Девушка, наблюдавшая за расклейщиком из окна, насторожилась. Она прочитала, что 18 августа должна была состояться премьера оперы «Вольный стрелок» Карла Марии фон Вебера, и толстые ее губы растянула улыбка.

Из кабинета радиопеленга, который располагался в здании немецкой военной полиции, особенно приятно было увидеть эту афишу. Пухлая радистка, которую звали Ингрид, мечтательно закатила глаза. Она подумала, что ей непременно надо сходить на эту премьеру, где она, может быть, наконец подцепит себе настоящего кавалера.

Больше всех Ингрид нравился ее прямой начальник бригаденфюрер СС Карл Оберг. Оберг и привез ее из Берлина в Париж. Однако Оберг уделял ей до обидного мало внимания. Например, о том, чтобы ближе к вечеру предложить прокатиться на своем роскошном автомобиле, речь не шла. А ведь настоящие мужчины должны завоевывать внимание красавиц. И уж непременно они не должны жалеть денег на их культурное развитие.

Ингрид подумала, что ближе к премьере она непременно поставит перед Обергом вопрос – или он ведет ее в театр, или она положит конец всяким отношениям.

Вдруг в наушниках раздался писк, и Ингрид насторожилась. Покрутила ручку. Радиосигнал был устойчивый.

Ингрид включила магнитофон на запись, вскочила с места, застучала каблучками к двери. Подпольный передатчик опять работал! Это значило, что надо реагировать, как требует инструкция.

Через полминуты дежурный офицер сорвал трубку телефонного аппарата и что-то кричал в нее – приказывал вывести на улицы пеленгаторы.

Еще минутой спустя два грузовика «Рено» с радиопеленгационными установками на борту выехали на улицы Парижа.

Радиопеленгационная установка работает просто. Прибор под названием пеленгатор находится в кузове грузовика, в специальной кабине. По сути, это радиоприемник высокой чувствительности. Оператор, сидя в кузове, поворачивает подвижную антенну и отмечает направление радиосигнала. Разумеется, отыскивается то направление, откуда идет самый сильный радиосигнал.

Перед оператором лежит карта. На карте отмечено положение машины. Оператор наносит на нее найденное направление радиосигнала и передает координаты своему напарнику – тот находится во второй машине.

Второй оператор производит аналогичные действия.

После того как оба оператора засекают направления самых сильных радиосигналов, они обмениваются информацией и находят на карте пересечение лучей, это пересечение дает им местоположение искомого радиопередатчика – с некоторой долей вероятности, конечно. Но если все делается быстро, то радиста вполне можно засечь.

Два черных крытых грузовика ползли по улицам Парижа. На крышах вертелись рамки антенн.

Из казарм на улицы города выехали несколько грузовиков с эсэсовцами. Словно цепные собаки, они были готовы пуститься по следу того, кого им укажут. Команда должна была поступить от операторов пеленгационных станций.

Пеленгационные машины и грузовики с эсэсовцами направились на север города. Проехав Монмартр, они развернулись и снова приблизились к Сене.

В одной машине оператором был немец, во второй – француз.

– Поль, никак не могу разобраться, – пожаловался первый оператор. – Мы прочесали набережную – ничего нет.

– Я отдам команду водителю, Фридрих, рванем на тот берег Сены, – отозвался коллега из второй машины.

Радиопеленгационные машины проехали по мосту Понт-Де-Неф. Следом за пеленгаторами – грузовики с эсэсовцами. На очередном перекрестке первые машины разъехались по двум улицам, а грузовики затормозили у тротуара – в ожидании конечной команды, которая должна была поступить от операторов.

Тем временем оператор по имени Поль произнес усталым голосом:

– Все, прочесываем этот район, я его засек... – и отложил карандаш.

Фридрих также пришел к выводу, что передатчик находится где-то поблизости. Он произнес команду в рацию, из кабины первого грузовика выскочил толстый штурмбаннфюрер в лакированных сапогах. Тонкие ноги штурмбаннфюрера под его увесистым брюхом выглядели спичками, которые кто-то воткнул в яблоко.

Они были настолько тонки, что эсэсовец походил на карикатурный персонаж из боевых листовок маки. Немец отрывистым голосом прокричал команду, и из грузовика высыпали солдаты. Они выстроились на проезжей части в две шеренги. После новой команды первая шеренга повернулась направо, а вторая – налево, и солдаты припустили бегом. Спустя несколько минут квартал был оцеплен.

Эсэсовцы заходили в подъезды домов, осматривали квартиру за квартирой. Было около шести часов вечера, жители находились дома. Все делали большие глаза, но гитлеровцы бесцеремонно отталкивали хозяев и производили обыск.

Скоро весь квартал был перерыт вверх дном, но радиопередатчик обнаружить не удалось.

Эсэсовцы уже возвращались к машинам, когда операторы, продолжавшие шарить в эфире, распахнули изумленно глаза. На прежней частоте снова, уже в третий раз, заработал передатчик. Работал прежний радист – отчетливо слышался его почерк.

Фридрих почесал пятерней затылок... и вдруг вскочил с места, ошеломленный. Он распахнул дверцу кузова.

Машина стояла на набережной Сены. Прямо перед ними, на острове Ситэ, высился собор Парижской Богоматери – Нотр-Дам де Пари.

Вне всякого сомнения, передача велась из собора.

И тут собор зазвонил...

Во все века Нотр-Дам де Пари являлся своеобразным символом города. Его начали строить в 1163 году, дальше строительство велось в несколько этапов на протяжении столетий. На цоколе здания и сейчас можно увидеть огромную надпись: «Мастер Жан из Шелля начал эту работу 11 февраля 1258 года». У любого, кто подходил к фасаду, захватывало дух от величия стрельчатых порталов с огромными дверьми, от зубчатого карниза над ними, грандиозного центрального окна-розетки и двух мрачных башен, венчавших собор. Люди возле этого мрачного и величественного сооружения выглядели муравьями.

Собор нередко прятал в своих стенах парижан, когда город становился ареной сражений. Из-за этого он служил своеобразным символом непокоренности французской столицы.

Неужели и сейчас собор проявил свою сущность?

Едва зазвонили колокола собора, с его башен разлетелись голуби. Птицы тревожно кружили вокруг, затем направились в окрестные кварталы.

На одной из двух колоколен стоял рослый парень лет двадцати. Звонарь вовсе не походил на Квазимодо – персонаж романа Виктора Гюго. У парня были широкие плечи, открытые голубые глаза, радостная улыбка. Он умело дергал за веревки, рождая мелодический перезвон.

Вдруг, зажав веревки одной мускулистой рукой, звонарь нагнулся. Когда он выпрямился, в свободной руке его появился бинокль. Продолжая дергать за веревки одной рукой, парень приставил бинокль к глазам и увидел немецкие грузовики, которые направлялись через Сену к острову Ситэ.

Звонарь положил бинокль и схватился за веревки обеими руками. Мелодия была чуть-чуть изменена – и это послужило условным знаком.

Перезвон долетел и в прохладу подземелья. Прямо под собором, в крипте – так назывался подвал собора, – среди древних саркофагов и надгробий работала радистка. Это была та самая девушка по имени Адель, которая принесла вечернюю газету на Монмартр художнику по имени Клод.

Рядом с девушкой стоял рослый парень в советской гимнастерке.

– Адель, пора уходить, разве не слышишь?

– погоди, – пробормотала девушка. – Сейчас...

Она продолжала усердно стучать ключом. В другой руке девушка сжимала дымящуюся сигарету. Сотни раз Адель проклинала себя за противную привычку курить в самые неподходящие моменты, такие, как сейчас! Однако она ничего не могла с собой поделать.

Разумеется, Адель тоже слышала изменение колокольной мелодии и все поняла. Однако радиопередачу нужно было закончить.

Изящная шляпка с вуалью лежала на крышке саркофага. Дым уносился в окошко легким сквозняком. Девушка не заметила, как на каменные плиты упал длинный столбик пепла.

Но вот Адель закончила передачу и поднялась. Оглянувшись, напялила шляпку, схватила сумочку и вынула из сумки пудреницу. Окурок она сунула внутрь пудреницы, будто в пепельницу.

Пора было уходить.

Немецкие грузовики затормозили перед собором. Из кабины первой машины выскочил толстый штурмбаннфюрер, махнул рукой. Из грузовиков высыпали эсэсовцы – и спустя несколько минут собор был оцеплен.

Штурмбаннфюрер посмотрел по сторонам и решительно шагнул ко входу в здание.

Что означает появиться в соборе, да еще во время вечерней мессы? Зал был полон прихожанами. На несколько часов люди пришли сюда отрешиться от войны, подумать о вечном.

И тут – гитлеровцы. Люди, сидевшие на длинных скамьях, отвлеклись на шум, оглядывались по сторонам. Увидев, кто пришел в храм, отводили взгляды, поджимали губы.

Гитлеровцы прямоиком направились к алтарю. Священник, который читал проповедь, поднял недоуменный взгляд.

– Где бандиты? Где передатчик? – отрывисто спросил штурмбаннфюрер.

Настоятель собора был сбит с толку. Посмотрев на штурмбаннфюрера как на пустое место, продолжил читать. Немец стиснул зубы и взял священника за рукав.

– Мне повторить? – прошипел гитлеровец.

– Простите, – с натугой произнес настоятель. – Вы мешаете... Я не могу прерывать богослужение...

– Передатчик! – словно не слышал немец.

Священник был совершенно растерян. Взгляд его остановился на викарии – помощнике.

Тот кивнул, подошел к немцу:

– Господа, если вам угодно осмотреть достопримечательности собора, я могу показать их сейчас же...

Викарий отвел гитлеровцев от алтаря. У стены помощник настоятеля остановился, развел руками:

– Это какое-то недоразумение, храм – место служения богу...

Гитлеровский офицер поморщился. Ему вдруг показалось, что викарий пьян – чем это пахивало от него? Офицер принохался. Нет, вроде ошибся...

– Осмотреть все, – скомандовал он солдатам.

Те разбрелись по собору. Штурмбаннфюрер остался с викарием. Они прошли между колоннами к выходу из здания и остановились возле маленькой двери в стене.

– Здесь что? – спросил немец.

– Лестница на колокольню.

– Откройте.

Викарий пожал плечами, достал связку ключей и отпер дверь. Штурмбаннфюрер подождал подчиненных. В руках викария появилась свеча, которую он взял из специальной ниши внизу лестницы. Викарий зажег свечу и ступил в темный проход. Штурмбаннфюрер последовал за ним. Следом вошли солдаты.

Древние каменные ступени вытерлись под ногами. Подниматься было трудно.

– Ради бога, не оступитесь, – несколько раз повторил викарий и обернулся, чтобы посветить.

– Иди вперед! – в конце концов скомандовал ему офицер.

Они поднимались и поднимались...

– Здесь что? – спросил офицер, увидев на площадке низкую деревянную дверь.

– Гм, здесь живет наш звонарь, – ответил викарий, – прежде он был клошаром, его зовут Жорж Лерне... Желаете осмотреть?

– Сначала саму колокольню!

Открылся люк в полу, над полом показалась голова штурмбаннфюрера. Немец увидел болтавшиеся веревки колоколов, на площадке никого не было. Люк захлопнулся.

Офицер махнул рукой:

– Хорошо! Осмотрим эту берлогу!

Солдаты распахнули деревянную дверь. Взору открылось небольшое помещение. Звонарь сидел за грубо сколоченным деревянным столом. Перед ним была раскрытая книга. Чуть дальше стояла зажженная свеча. Вошедших встретил раздраженный взгляд. Викарий сделал было шаг вперед, но офицер протянул руку:

– Оставаться на месте!

Звонарь поднялся, сделал какое-то движение, его схватили за руки. Он стал вырываться.

– Ты что? – Несколько ударов успокоили парня, который обводил всех бычьим взглядом.

Штурмбаннфюрер поднял книгу, посмотрел на обложку, с отвращением отбросил. Звонарь читал Библию.

Топчан, стол и табурет составляли все убранство комнаты. На топчане был расстелен тюфяк, набитый сеном. Солдаты быстро произвели осмотр. Ничего подозрительного не обнаружили, даже под топчаном.

Собрались уже уходить, но вдруг один из солдат опустился на корточки возле стола.

– Господин штурмбаннфюрер, смотрите! – Солдат вытянул провод в черной обмотке.

– Что это? – спросил офицер.

Звонарь молчал, лицо его хранило презрительное выражение. Штурмбаннфюрер обернулся к викарию.

– Громоотвод, – тот пожал плечами.

– Какой, к черту, громоотвод?

– Я живу здесь два года, – вдруг отчетливо произнес звонарь. – Это – громоотвод.

– Громоотвод? – расхохотался штурмбаннфюрер. – Что же вы на своего католического бога не уповааете?

Вопрос упал в пустоту. Стали осматривать стену, у которой стоял стол, теперь стало видно, что провод идет по стене от пола до самого перекрытия. Стена была облеплена обоями, они скрывали провод. Над столом висела полка, которая тоже маскировала провод.

Штурмбаннфюрер выпрямился, провел рукой вдоль провода, сильно дернул. Полка подпрыгнула, книги посыпались на стол. Свеча перевернулась, погасла.

Офицер вырвал провод из стены. Этот провод имел три миллиметра в диаметре, на высоте человеческого роста оказался разъем с двумя медными клеммами.

– Это что такое? – Офицер показывал пальцем на конец провода. На клемме была отчетливо видна надпись маленькими буквами: «Сделано в Британии».

Викарий сглотнул.

– Не могу знать, – он поднял большие глаза.

Штурмбаннфюрер долго смотрел на викария, на звонаря. Неожиданно сделал шаг вперед и наотмашь ударил звонаря по лицу.

– Сволочь! – заорал он, брызгая слюной. – Английский шпион! Взять его!

Дальнейшее было сделано быстро. Солдаты вытолкали звонаря за дверь. Раздался шум шагов по лестнице, прерываемый стонами избиваемого звонаря.

– Господин офицер! – растерянно произнес викарий, когда они остались одни. – Этому проводу, наверное, пять лет, он был проложен здесь еще до войны...

– Ведите вниз! – крикнул штурмбаннфюрер вслед солдатам. – Если мы здесь обнаружим следы передатчика, тебя ни один бог не спасет! – пообещал он викарию.

На метр ниже площадки, где располагалось жилище звонаря, обнаружили узкое окно в стене, провод уходил туда. Дальше этот провод висел с наружной стороны здания.

Солдат протянул руку, распахнул покрытую побелкой створку, подергал за провод.

Несколькими витками лестницы ниже было расположено такое же окно, провод обнаружили и там. Провод вел вниз, оставаясь снаружи.

– Проклятые французские свиньи! – ругался штурмбаннфюрер, спускаясь по ступенькам. – Совсем обнаглели! Из собора передают!

– Господин офицер, никто и не думал прятать громоотвод! – стоял на своем викарий.

Спустились на первый этаж. Теперь заметили, что лестница не оканчивается на первом этаже. Каменные ступени вели вниз.

– Что там? – спросил немец.

– Подземелье, саркофаги... – объяснил викарий. Добавил потише: – Мы называем это подземелье криптой...

Штурмбаннфюрер обратил внимание, как дрожит свеча в руках викария. Да пьян он или нет, почему все время кажется, что он пьян?

– Иди первый! – сказал немец.

– Хорошо, – согласился викарий. – В подвале не может быть ничего особенного, – бормотал церковный служитель, пока они спускались по лестнице. – Все, находящееся здесь, очень древнее, ради бога, осторожнее! – буквально выкрикнул он, когда гитлеровцы и их проводник попали в помещение с низким сводчатым потолком. – Не трогайте ничего! Здесь – священная пыль веков!

В подземелье действительно стояло несколько саркофагов. Старинные надгробия, плиты и надписи на старофранцузском языке и латыни выглядели весьма торжественно, однако они не произвели на немцев никакого впечатления. Штурмбаннфюрер прошелся по помещению, оглянулся, хмыкнул. Вдруг провел пальцем по крышке одного из саркофагов. Показал палец викарию.

– А ведь вековой пыли нет, господин викарий, – прищурился немец. – Здесь совсем недавно были люди!

– Ну, мы всегда убираемся в доме божьем... – растерянно пробормотал викарий.

Штурмбаннфюрер махнул рукой, солдаты ходили между саркофагами, осматривали стены. Было довольно светло, лучи вечернего солнца падали из небольших окон под потолком.

Один солдат попробовал приподнять крышку саркофага – не получилось, крышка оказалась тяжелой.

Вдруг раздался возглас. Все повернули головы в ту сторону.

Дотошный эсэсовец склонился над полом. На это место как раз падал свет из окошка. Подошли и склонились над полом все. Даже викарий приблизился.

На полу лежал столбик пепла.

– Тщательно убираетесь в доме божьем? – поднял голову штурмбаннфюрер.

Викарий улыбнулся растерянно. Он полез под сутану, смущенно достал и продемонстрировал всем пачку сигарет и зажигалку.

– Грешен, прости господи, – сказал он. – Прошу вас не говорить об этом настоятелю... – Неловко улыбнулся и принялся засовывать сигареты снова под сутану.

Мгновение – и из-под длинного одеяния на пол упала с веселым звоном фляжка.

Немцы переглянулись... мало-помалу помещение заполнил смех. Напряжение было снято. Новый взрыв смеха последовал, когда викарий еще и предложил угоститься коньяком из его фляжки.

Штурмбаннфюрер поймал себя на мысли, что такой симпатичный викарий просто не может лгать. Провод служит громоотводом? И это вполне могло быть правдой...

Штурмбаннфюрер вытянул ладонь.

– При исполнении не пью, – сказал он. – Уходим! – скомандовал он остальным.

Немцы поднялись из подземелья.

– Оставьте нам нашего звонаря? – спросил викарий. – Он делает в соборе конкретную работу...

– Вы без труда найдете нового звонаря из числа прихожан, – отрезал штурмбаннфюрер. – А этого человека мы забираем, он оказал сопротивление.

Гости вышли из собора. Викарий остался на пороге. Немцы расселись по машинам и уехали.

Этим же вечером на древней парижской брусчатке Монмартра снова работал седовласый Клод. У «дядюшки Клода» был весьма ответственный момент – перед ним сидел напыщенный немецкий полковник в форме люфтваффе.

– Не забудьте изобразить на заднем плане моего портрета горящий американский самолет! – капризно потребовал полковник. – Мне не нужна мазня в духе вашего Ван Гога...

– Ван Гог был голландцем, – пробормотал художник. – Впрочем, любой каприз за ваши деньги! – добавил он громко.

Кажется, полковник не расслышал первую фразу.

Бросив случайный взгляд вдоль улицы, художник насторожился. Высокий человек в сером костюме при галстукке стоял у соседнего мольберта. Незнакомец пристально смотрел на Клода, причем глаза его были такими, в них светилось нечто особенное, что заставило художника улыбнуться. И незнакомец ответил улыбкой.

Постояв на месте, мужчина ускоренными шагами направился к портретисту.

– Можно занять к вам очередь? – на чистом французском языке спросил мужчина.

– Не мешай творческому порыву, ты, лягушатник! – рявкнул полковник.

Человек в костюме ответил долгим и спокойным взглядом. Стоял, полный достоинства, не думая вступать в пререкания, просто стоял и смотрел на гитлеровца. Будто увидел инопланетянина.

Полковник пробормотал что-то недовольным тоном, больше спорить не пытался.

– Мне нужно еще полчаса, чтобы закончить работу, – произнес в тишине художник. – Не будете ли так любезны погулять...

– Хорошо, – наклонил голову незнакомец. – Я хочу, чтобы меня нарисовали именно вы. У вас недурной вкус, господин полковник, – обратился мужчина к немцу, – если вы выбрали этого мастера!

Произнеся эти слова, мужчина ушел.

Спустя полчаса капризный клиент забрал портрет и удалился. Незнакомый мужчина, вновь оказавшийся рядом, занял его место.

– Я могу изобразить вас с фиалкой в петлице, – предложил портретист, устанавливая на мольберте чистый лист. – Фиалки – эмблема Монмартра! – добавил он условную фразу.

– Я предпочитаю красные маки, – условной же фразой ответил посетитель. – Не нужно масла. Хватит грифельного рисунка.

Художник принялся за работу. Да, чуть не подвело его, незнакомец оказался долгожданным гостем из Берлина. Он назвал правильный отзыв. Кроме записки, которую должен был передать ему портретист, нужно было прикрыть контакт. И таким прикрытием послужит портрет.

Вокруг шла обычная жизнь. Щебетали птицы. Шелестела листва в кронах деревьев. Портретист спокойно работал, а клиент расслабленно сидел в кресле.

В конце концов художник объявил, что работа закончена, и вставил картину в рамку. Портрет был нарисован на бумаге, художник приложил к бумаге картонку. Так делают художники для того, чтобы портрет был более прочным. Между портретом и картонкой Клод вложил визитную карточку – опять же, так поступают все художники, желая, чтобы клиенты обращались к ним снова.

– Держите, мсье, – сказал портретист, протягивая картину. – И приходите ко мне, у меня невысокие цены...

Курт Мейер, а это был он, встал и расплатился. Отходя от художника с портретом под мышкой, Курт остановился, чтобы закурить. Прикуривая, он обратил внимание на две радиопеленгационные машины, которые проехали по улице. Мейер затушил зажигалку. Глаза его при этом следили за автомобилями. Рамки на крышах не вертелись, из чего Курт заключил, что машины возвращаются после операции обнаружения передатчика.

Сердце сжала тревога, и Курт оглянулся. Седовласый художник спокойно работал с очередным клиентом. Судя по всему, он и не думал волноваться.

Выпустив струйку дыма, Курт зашагал по улице.

Откуда-то сверху капала вода – этот звук рождал необъяснимую тревогу в душе.

– Неужели над нами Сена? – послышался женский голос.

– Вполне возможно, милая Адель! – ответил мужской голос. – Ведь протяженность парижских катакомб составляет более трехсот километров, а их точного плана нет до сих пор, кто знает, куда они могут завести...

– Павел, как много ты знаешь! Ты изучал историю?

– Совершенно верно, дорогая моя, но я только-только успел закончить университет, как началась война, – ответил молодой человек, которого звали Павел. – Основные знания по истории я не успел получить...

Радистка Адель и молодой человек, сопровождавший ее в крипте собора, теперь шли по подземному коридору. Спутник Адель нес большую сумку, в которой находилась рация. Он был русским, некоторое время провел в концлагере под Парижем, но ему удалось бежать. Спутником Павла в побеге был тот, с кем удалось познакомиться за колючей проволокой. Человека этого звали Анри Роль-Танги, до войны он был полковником французской армии. Полковник

Роль-Танги признался Павлу, что недавно вступил во французскую Коммунистическую партию.

– Представляешь, нам с полковником Танги удалось прорыть подкоп из карьера, где мы работали, до ближайшего кустарника! – рассказывал Павел, когда Адель отдохнула и они пошли дальше. – Убежав, мы устроили обвал. А какие проверки он мне устраивал после побега! Но мне бояться нечего. Я готов бить фашистов голыми руками.

Адель и Павел Бондарев познакомились на Монмартре в тот самый день, когда девушка передавала дядюшке Клоду газету. Это о нем, о Павле, Адель сказала, что она «вполне может понравиться этому молодому человеку». Павел появился на Монмартре вовсе не случайно. Его направил к Адель полковник Роль-Танги, когда узнал, что девушка столкнула с моста в Сену немецкого фельдфебеля.

У парижских подпольщиков Адель была единственной радисткой. Ее следовало беречь. И кроме того, неуравновешенная и взбалмошная Адель у всех мужчин почему-то вызывала отцовские чувства, и у полковника Роль-Танги в том числе. О ней заботились всем подпольем.

– Катакомбы возникли в то время, когда для строительства домов добывался известняк, – воодушевленно продолжал Павел. – Позже им нашли другое, весьма своеобразное применение...

– Какое? – спросила девушка.

– Сюда свозили мертвецов с парижских кладбищ!

– Ох! – вдруг вскрикнула Адель и остановилась.

– Что с тобой случилось? – спросил спутник. – Все в порядке?

– Да, Павел, дорогой, – ответила девушка. – Просто ты рассказываешь такие вещи, что трудно выдержать...

– В восемнадцатом веке во время так называемого «восстания мертвецов», – увлекшись, продолжал Павел, – в катакомбы было свезено несколько десятков тысяч скелетов со всех четырнадцати кладбищ Парижа... Адель, это совсем не страшно, выслушай меня! Это интересно!

Павел говорил по-французски вполне сносно, но с акцентом. Он изучал французский язык в университете.

Павел продолжал:

– Представляешь, в твоей столице из-за эпидемий не хватало места для мертвых, уровень земли отдельных кладбищ на шесть метров возвышался над уровнем соседних улиц... – Он вздохнул. – Теперь насчет Сены... Говорят, подземные коридоры были проложены в столь давние времена, когда Сена имела другое русло – потому я не удивлюсь, если мы минуем реку под землей... Все дело в скальных породах, которые здесь залегают...

Снова наступила тишина, прерываемая лишь шарканьем шагов. Через некоторое время Павел споткнулся.

– Черт! – выругался он.

Тут же темноту прорезал луч фонарика.

– Адель, выключи, – строго произнес Павел. – Надо беречь батарею!

– Я не хочу, чтобы кто-то из нас сломал ногу, – возразила девушка. – Осмотрись хорошенько... ты в порядке?

– В порядке, – ответил он.

Повернув луч света, Адель осветила себя, и стало видно, что она улыбается.

– Ты такая же сумасшедшая, Адель, – вздохнул Павел. – Не можешь не напоминать о себе.

– Я просто не хочу, чтобы ты забыл, какая я красивая. Иначе будешь засматриваться на других девушек... – Она покачала головой. – Ох, не нравится мне твой вид...

– Это? – Павел свободной рукой потрогал отворот гимнастерки. – Успокойся, ты же знаешь, что это специальная одежда для подземелья. И потом, мне нравится, когда мне хоть что-то напоминает о моей стране... Мы переоденемся перед тем, как выйти на поверхность.

Адель улыбнулась.

– Ты все успела передать? – спросил Павел.

– Да, – ответила девушка.

– А каким был ответ? – не унимался русский.

– Все подробности передадут при следующем сеансе связи.

– Постой, – проговорил мужчина. – Это не ответ...

Девушка остановилась, и он заботливо обнял ее.

– Ты думаешь при помощи объятий выпытать у меня секретные сведения? – оттолкнула Павла девушка. – Не выйдет, дорогой! Сведения я расскажу только полковнику Роль-Танги! И не ревнуй меня!

– Я не ревную. Я хочу знать судьбу советских военнопленных. Заводы «Рено» выпускают вооружение и танки для Германии. Работают по германским заказам... Ведь это те самые люди, с которыми я работал на строительстве «Атлантического вала»...

– Наше дело – не пленные, а подготовка к восстанию... – ответила девушка. – Никаких конкретных инструкций не передали. Но мы же с тобой знаем, что в Париже должен появиться человек, уполномоченный Россией и союзниками...

– Не Россией, а Советским Союзом, сколько можно повторять...

– Пусть! – сказала девушка. – У этого человека все инструкции. Точнее все узнаем при следующем сеансе связи... Я отдохнула, пойдем...

Снова послышались шаги, вспыхнул тускнеющий луч фонарика.

– Нам здесь нужно повернуть, милый. Не мешай, иначе я не сориентируюсь в темноте, – произнесла Адель.

– От души буду надеяться, что света этого фонарика хватит, пока мы не выберемся отсюда, – в тон ей ответил Павел.

– Совсем немного осталось, – ответила девушка. – Еще один поворот... Вот сюда... – Голос ее долетел из-за поворота подземной галереи.

Пройдя еще с полкилометра, подпольщики остановились перед небольшой деревянной дверью. Девушка посмотрела на спутника.

– Пришли, – сказала она. И уверенно потянула за ручку.

Дверь открылась. Фонарик выхватил из темноты ступени каменной лестницы, уходившей вверх, и потух.

– Отлично, – выругался Павел. – Я так и думал. Батареи хватило едва-едва...

Поднявшись, они оказались в подвале разбомбленного дома. Переодевшись – в подвале стоял сундук, они вынули из него одежду и спрятали рацию, – они поднялись по лестнице.

Несколькими минутами позже из руин, которые находились в семнадцатом округе Парижа, вышли девушка в летнем платье и молодой человек в аккуратном парусиновом костюме и белой рубашке, воротничок которой был выложен на пиджак. И если бы в пустынном переулке нашлись наблюдатели, они ни за что бы не подумали, что эти молодые люди только что проделали длинный путь под землей. Более вероятно, что такие парочки всегда ищут убежища в руинах, чтобы им никто не мешал целоваться. Но наблюдателей не было.

Двое молодых людей вышли из переулочка и быстро затерялись среди прохожих на улице.

Глава 4

На следующий день в парижской военной комендатуре только и было разговоров о появлении некоего высокопоставленного чиновника из Берлина. Причем никто не знал, что это за человек и с какой целью он приехал в Париж.

Этим человеком, внушившим еще до своего появления неведение и страх, был не кто иной, как Курт Мейер.

Курт также не просто так задержал свой визит в комендатуру. Он выяснял обстановку в Париже, а ведь она изменилась после покушения на фюрера.

В виде исключения Мейер позвонил из Парижа своему связному Краузе в Берлин.

Тот выругал Курта и предупредил, чтобы больше ни в коем случае не применял такой способ связи. А затем навел справки и откликнулся длинной шифровкой, которую Мейер получил от того самого хозяина магазина на Принц-Альбрехтштрассе по фамилии Функе, с которым Краузе дружил. Функе приехал во Францию закупать товар. Шифровка представляла собой обертку, в которую были завернуты семена эшшольции. У себя в гостиничном номере Курт нагрел обертку над свечой и прочел послание связника.

Дело обстояло так.

Прежний комендант Парижа фон Бойнебург был арестован буквально в день приезда Мейера в Париж. Вместе с ним парижское гестапо наложило лапы на старого генерала фон Штюльпнагеля, командующего группой немецких войск во Франции. А ведь на них, на оппозиционные настроения этих людей надеялся Мейер в деле спасения Парижа от разрушения. Эти люди оказались причастны к заговору фон Штауффенберга.

Итак, все надо было начинать с нуля.

Место военного коменданта Парижа занимал теперь капризный и отличающийся трепетной любовью к фюреру генерал фон Маннершток, он был реально наделен властью. Не зря о нем говорил Гиммлер: «Этому человеку можно довериться».

Курт решил довериться фон Маннерштоку. Примерно через неделю после приезда в Париж он позвонил в комендатуру и назвал себя.

– Как вы сказали, ваше имя штандартенфюрер Мейер? – переспросил фон Маннершток. – Рейхсфюрер не говорил о вас...

Разумеется, не говорил, ответил Курт в мыслях, потому что у рейхсфюрера дел по горло и еще потому, что определенные обязанности он возложил на меня, а не на тебя, старый индюк.

Курту было сказано явиться на совещание в комендатуру и рассказать, чего, собственно, тот хочет.

Неизвестно, кто первым произнес слова о приезде Мейера, сам ли фон Маннершток в разговоре с секретаршей, сотрудники ли отдела внутренней телефонной связи, водители ли гаража.

Но в тот день все чиновники бегали по коридорам чуть быстрее, чем обычно, и уборщицы прошли лишней раз тряпками по полу, и еще кое-кто отметил, что фон Маннершток пообещал расстрелять дежурного, когда тот на секунду вышел на крыльцо, чтобы заговорить с уличной проституткой.

К десяти утра атмосфера в комендатуре была накалена добела. Уже в девять сорок пять генерал фон Маннершток сидел на своем рабочем месте во главе стола и с хмурым видом рассматривал присутствовавших. В глазу коменданта поблескивал старомодный монокль. Подрагивала цепочка, которая шла от монокля к карману кителя.

В кабинете понемногу собирался народ. Суетливый Жак Дюкло – мэр Парижа, начальник сил ПВО полковник Гюнтер фон Штрассер, адмирал Кранк, другие немецкие и французские

чиновники и офицеры. В углу кабинета расположился задумчивый и молчаливый фон Хольтиц – заместитель Маннершток.

Эти люди решали судьбу оккупированного Парижа. Немцы были более собранные, молчаливые, сидели с сосредоточенным видом. Французы выглядели иначе. Что отличало их? Головы, вжатые в плечи, настороженные взгляды. И если приходилось решать какой-то вопрос, немцы высказывались сразу, без обиняков, а французы сперва посматривали в потолок или по сторонам, а затем уже, в зависимости от реакции немцев, как-то реагировали сами. И то сдержанно.

Примерно в это самое время по коридору комендатуры шли двое. Человек постарше, розовощекий блондин нордической внешности с чуть отвисшим брюшком, поглядывал по сторонам с начальственным видом. Его молодой спутник, стройный шатен с умным и слегка усталым лицом, выглядел как подчиненный. При разговоре он кривил губы, словно иронизировал.

– Следует принять превентивные меры на случай продвижения англо-американских войск в глубь континента, – негромко произнес упитанный блондин. – Все это может вызвать рост активности маки. Нужно усилить репрессии.

– Мы работаем изо всех сил, бригаденфюрер, – улыбнулся молодой человек. – Только на днях я предоставил на подпись Маннерштоку новый список из трехсот человек. Старый список возглавляли Бойнебург и Штюльпнагель, они теперь мертвы. Вы давно были у меня?

Первого звали Карл Альбрехт Оберг, второго – Гельмут Кнохен. Оба работали в парижском отделении гестапо.

Официально деятельность гестапо не допускалась. Гитлер проводил во Франции особую политику, основанную на просьбе главы коллаборационного правительства Петена – французы сами должны следить за порядком. Германию это устраивало – позволяло больше людских ресурсов направлять на фронт.

В реальности, конечно, дело обстояло иначе. Гестапо действовало под вывеской немецкой военной полиции, Кнохен создал могучий карательный аппарат, который занимался выявлением коммунистов, евреев и просто оппозиционно настроенных жителей. Все они попадали в концлагеря или были расстреляны.

Оберг был номинальным шефом «немецкой военной полиции». Кнохен проводил всю организационную работу. Их рабочие кабинеты располагались по разным адресам: кабинет Оберга был на авеню Фош, рабочее место Кнохена – на улице Соссэ.

– Вы давно были у меня, бригаденфюрер? – спросил Кнохен. – Приезжайте, посмотрите. У меня все камеры забиты людьми, я уверен, что у французишек не хватит сил на восстание.

– Однако англо-американские войска приближаются к Парижу, Гельмут, – сказал Оберг. – В таких условиях я опасаюсь активизации групп маки... Думаю, будет уместно задержать и выслать из Франции никак не менее тысячи человек... Наиболее опасных – расстрелять! И все это – в ближайшие дни!

– Что ж, генерал, нам это не впервой, – подтянулся Кнохен. – С железнодорожниками я договорюсь. Насчет пересыльных камер не проблема – всегда можно использовать гаражи и тому подобные подсобные помещения... Даже места на кладбищах есть. Однако нужно поставить в известность этих трусливых свиней, с которыми нужно сотрудничать...

– Ничего, им тоже не впервой...

– Вы правы, бригаденфюрер. Кстати, кого-то и из них неплохо бы включить в список...

– Итак, у нас нет особых проблем, Гельмут, – ответил Оберг. – Что, если мы попросим этого человека поспособствовать нам? Как его зовут? Штандартенфюрер Мейер?

Кнохен кивнул.

Мужчины распахнули дверь и прошли в кабинет.

В кабинете коменданта некоторое время царило напряженное ожидание, потом раздался телефонный звонок. Фон Маннершток схватил трубку, и все поняли – гость прибыл.

Комендант спешно поднялся и устремился к двери с такой энергией, которой у него не видели. Наблюдать прыть Маннерштока было забавно.

Отсутствовал генерал недолго. Скоро дверь вновь отворилась, и в кабинет вошли фон Маннершток и некий молодой штандартенфюрер в новом с иголки мундире.

Разумеется, это был Курт Мейер. Сейчас на нем был мундир, а прежде Курт ходил в гражданском костюме.

Многие из присутствующих поднялись. Французы все, как один, вытянулись по стойке «смирно». Немцы проявили большую сдержанность, однако и они приветствовали гостя стоя.

Курт Мейер, который все это наблюдал, выжидал терпеливо. Везде, куда бы он ни приехал, царили свои страсти. Их надо было сперва понять, чтобы потом начинать активные действия.

Он бросил выразительный взгляд на хозяина кабинета. Тот кивнул ободряюще.

Курт подошел к столу.

– Благодарю вас, господа, садитесь, – сказал Мейер. И подождав, пока все, в том числе и Маннершток, займут свои места, продолжил: – У нас мало времени, поэтому сразу перейдем к делу. Меня зовут Курт Мейер, я штандартенфюрер СС, прибыл из Берлина проследить, как решается судьба военнопленных, а также проследить за выполнением приказа фюрера...

– Какого приказа фюрера? – вдруг спросил Жак Дюкло.

Курт устремил на него гневный взгляд. Француз был красный, как репа, на лице написана растерянность.

Курт вздохнул и вынул из кармана лист бумаги.

– Читайте вслух, генерал! – Он положил страницу на стол.

Фон Маннершток пробежал текст глазами. На странице был напечатан приказ Гитлера об уничтожении Парижа. К первой странице была подколота бумага Гиммлера – та самая, дававшая Мейеру особые полномочия для вывоза культурных ценностей.

Молчание затягивалось.

– Имеется в виду приказ... – начал Курт.

– Штандартенфюрер, погодите минутку! – прервал его фон Маннершток. – Не то чтобы здесь что-то не так, однако... – Он сделал паузу. – Вы должны увидеть, что и мы не сидим здесь без дела.

– Что вы хотите этим сказать? – изумился Мейер.

– Полагаю, мы изменим привычный ход совещания... – сказал фон Маннершток. – Исполнение приказа фюрера проверим позже! – добавил он и блеснул моноклем.

Курт пожал плечами.

– В конце концов, вы старше меня по званию, генерал, действуйте, – сказал он.

Фон Маннершток кивнул в ответ и повел совещание так, словно Мейера не существовало. Были обсуждены текущие вопросы, к визиту Курта они не имели отношения.

Спустя какое-то время из кабинета были отправлены все французы. Затем – половина немцев. В кабинете остались лишь немногие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.